

Мамытов Т.Б.

**ОРТО АЗИЯНЫН ДИНИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМИНИН КАЙРА
ЖАНДАНДЫРУУСУ**

Мамытов Т.Б.

**ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ**

Mamytov T.B.

THE REVIVAL OF RELIGIOUS FUNDAMENTALISM IN CENTRAL ASIA

УДК: 329.3:28

В статье рассматривается национальное самосознание мусульман Центральной Азии. Так как в результате у народов Центральной Азии сложились свои формы вероисповедания, впитавшие их особую этническую самобытность.

Ключевые слова: фундаментализм, возрождение, национальное самосознание, Центральная Азия, глобальные кризисы, Ислам, право.

The article discusses the national identity of the Muslims of Central Asia. As a result, the peoples of Central Asia have developed their own forms of religion, imbibed their particular ethnic identity.

Key words: fundamentalism, the revival, national identity, Central Asia, global crises, Islam, law.

Ислам – это не только вера, но и образ жизни и стиль поведения, это и мораль, и право. Это цельная, обладающая внутренним единством идеология и психология мусульман, это и мировосприятие, и этика. При анализе исламского возрождения и фундаментализма следует обращать внимание не только на особенности современного социально-экономического положения данной страны или региона, где этот процесс имеет место, но и глубоко вникать в генезис этого феномена. Действие «исламского фактора» не могло обойти и Центральную Азию.

Религиозный подъем среди мусульман центрально-азиатского региона имеет своеобразные черты, что обусловлено глубокими историческими корнями ислама. Хотя арабское завоевание нанесло ущерб традиционной культуре Центральной Азии, местная цивилизация не погибла. Более того, начался подъем в культурной жизни Хорасана, Мавераннахра, а Мерв, Бухара, Худжанд, Самарканд, Ургенч, Ош, Узген приобрели славу культурнейших центров того времени. Ислам, впитывая в себя прежние культурные традиции местного населения, приспособился к существовавшим там общественным отношениям. В результате у народов Центральной Азии сложились свои формы вероисповедания, впитавшие их особую этническую самобытность. Ош, Бухара и Самарканд давно уже превратились в своеобразный центр исламской

культуры и науки. Поэтому неудивительно, что у мусульман и всего населения этого региона призывы фундаменталистов вернуться в «Золотой век» вызывают воспоминания о времени расцвета экономики, науки, культуры, искусства и богословия на их земле, давшем миру целую плеяду выдающихся государственных деятелей, ученых, философов, поэтов и богословов. В сложившейся сегодня обстановке этот фактор способствовал возрождению национального и религиозного самосознания.

Национальное самосознание мусульман Центральной Азии, чувствительно к фундаменталистским представлениям, объективно способствующим созданию своеобразного иммунитета против дестабилизирующего влияния внешних сил. По образному выражению А. Абдель-Малека, «именно через обращение к своему глубинному содержанию незападные цивилизации могут противостоять тому воздействию со стороны западной цивилизации, которое не только приводит к тяжелому разладу в их бытии, но и порождает глобальные кризисы»^[1,с.6].

В то же время исламу свойственна завидная способность адаптироваться к изменяющимся социальным и политическим условиям, чем в немалой степени объясняется его воздействие на политические, социальные и национальные процессы. Кроме того, социальная активность под исламскими лозунгами объясняется реакцией на те меры, которые предпринимало советское государство в прошлые годы по разрушению религиозной традиции. Также следует учитывать и влияние извне, которому способствовали «события 70-80-х гг. в Иране и Афганистане, выезд на учебу за рубеж будущих служителей культа из числа молодежи в арабские страны и Пакистан, поездки делегаций в страны ислама, возобновление паломничества в Мекку»^[2,с.37].

С 1988 - 1991гг. в Центральной Азии появляются стихийные движения, пользующиеся поддержкой среди населения. Возникает и очень простое, почти незаметное религиозно-политическое движение, вдохновителями которого явились «сторонники перестройки и гласности», выступавшие в качестве религиозных агитаторов-

проповедников. В первое время деятельность этого движения ограничивалась беседами, выступлениями в мечетях, в чайханах. На этих беседах говорилось, что уровень жизни народа резко упал, цены на рынках высоки, а в государственных магазинах отсутствуют жизненно необходимые продукты, партократы и государственные органы заботятся лишь о себе. Процветание взяточничества, коррупции, бюрократизма и спекуляции привело к резкому росту имущественного неравенства, жилищного кризиса и безработицы. Характерной особенностью этого зарождающегося движения было то, что оно изначально ставило перед собой задачу сосредоточить внимание обездоленных масс на критике деятельности партократии и правоохранительных органов, их пассивности и неспособности защищать интересы простого рабочего, колхозника, учителя, врача.

Постепенно некоторые самозванные руководители этого движения начали пропагандировать идею об «истинном исламе», который, якобы является единственной альтернативой упадку жизни мусульман, так как он дает решение основных проблем во всех областях жизни. Ислам же, который проповедуется в официальных мечетях, служит опорой партократии и потому утратил свой истинный облик. Руководители этого движения, именовавшие себя ваххабитами, фундаменталистами, возрожденцами, начали не только захватывать действовавшие мечети, но и самовольно открывать новые. Такой «фундаментализм» стал естественной «идеологией» части населения хотя бы в силу невозможности выражать недовольство каким бы то ни было иным путем, в первую очередь конституционным»^[3, с. 6].

Распространение идей «исламского возрождения» было в немалой степени связано с тем, что его руководители смогли в какой-то мере мобилизовать политическую активность масс значительно эффективнее, чем муллы официальной мечети. Концепция и практика возрождения стали наиболее распространенной формой выражения недовольства широких слоев населения. Причины распространения этого движения, носившего в немалой степени популистский характер, в том, что его лидеры выдвигали на первый план присущие исламу идеи социальной гармонии и справедливости, которые объявлялись средством разрешения социальных конфликтов. Корни движения отнюдь не религиозные, а социальные. Под флагом исламского возрождения зачастую проявляются деструктивные вспышки национализма. Для простого труженика с его бедами, нищетой и для неустроенной молодежи ислам является спасительной опорой, с помощью которой они могут высказать свою боль, выплеснуть гнев.

Активизация религиозных фундаменталистов в некоторых регионах Центральной Азии в конце 80-х - начале 90-х гг. вызвана тем, что большая часть населения подвержена влиянию традиционалистских исламских идей. Эти идеи играли свою

интеграционную роль среди недовольных политикой коммунистического режима, способствуя идеализации картины раннего ислама.

Критика религиозными фундаменталистами негативных явлений сопровождалась требованиями возрождения морально-этических ценностей ислама. Ссылаясь на Коран и сунну, они осуждали неблагоприятные поступки партократии.

Появление неформальных организаций, национальных фронтов, Исламской партии возрождения и др., говорит об общих тенденциях политизации ислама в условиях перехода республики Средней Азии к самостоятельности и рыночным отношениям.

Некоторые члены неформальных организаций являются сторонниками мусульманского модернизма, выступающими с «националистических и сепаратистских позиций». В сентябре 1991 года в Узбекистане получила официальное признание партия, открыто требовавшая создания исламского государства. Речь идет об Исламской партии возрождения, эта партия претендует на представительство интересов всех советских мусульман. Анализ устава и программы этой организации «позволяет отнести ее к модернистскому или реформистскому направлению, но в высказываниях ряда ее лидеров звучали и явно экстремистские нотки, что свидетельствует о неоднородности состава партии, весьма ощутимых различиях в политических ориентациях ее членов»^[4, с. 4].

Поначалу казалось что появление Исламской партии возрождения сначала в Узбекистане, а затем в Таджикистане не чревато поворотом к исламу. Во-первых, партия появилась не в Средней Азии. Во-вторых, она не выглядела проводником фундаменталистских идей. Как подчеркивалось в программе, деятельность этой партии направлялась на то, чтобы обеспечить мусульманам возможность жить в соответствии с Кораном. Она сторонилась экстремизма и представляла умеренное течение ислама.

Беспокоило то, что в высказываниях лидеров возникших религиозно-политических партий начали звучать явно экстремистские нотки. Одновременно обнаружилось намерения и афганских фундаменталистских партий - Исламская партия Афганистана и Исламское общество Афганистана установить контакты с представителями исламских возрожденцев в Ферганской долине. Эти попытки выражались в засылке в республики Центральной Азии религиозной литературы, оружия, направления туда эмиссаров.

События начала 1989 г. в Ферганской долине, оцениваемые некоторыми авторами как выступления фундаменталистов, начались с требований открыть мечети, медресе, разрешить посещать их женщинам и детям, открыть школы для обучения детей исламу и т.д. В январе 1989 г. прошли многочисленные митинги, уличные шествия, участники которых требовали открытия мечетей в каждом кишлаке. На

этих митингах, собраниях, в уличных шествиях можно было встретить людей, выдававших себя за представителей религиозного движения за «возрождение чистого ислама», сторонников «чистого ислама», а также молодых «ваххабитов». Целью ораторов было польстить национальному самолюбию. Простые люди, приходившие на эти митинги, искренне восхищались смелостью выступавших, чьи слова зачастую оказывались созвучными их собственным мыслям. Исследователи отмечали, что «религиозно настроенным массам легче усвоить любые политические понятия, если они изложены в привычной для мусульман религиозной форме»^[5, с.96].

Многочисленные и нередко кровавые межнациональные конфликты, прокатившиеся в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане и Кыргызстане, показали, что неблагоприятные явления имели место не только в общественном и государственном устройстве, но и в его системе национальных отношений, а значит и в официальной концепции национально-государственного строительства. Подоплека национальных конфликтов кроется по большей части в экономических неурядицах, и нередко бывает обусловлена провокационными действиями властей, прибегающих к старому рецепту «разделяй и властвуй». А в этих целях они использовали порой и религию.

Сам по себе ислам не является абсолютным гарантом политической стабильности и мира. Пример тому - события в Фергане и в других городах, где мусульмане-узбеки выступили против своих единоверцев - турок-месхетинцев. Ненависть охватила самые разные слои населения. Турки-месхетинцы были первой жертвой, затем последовали угрозы в адрес русских, бухарских евреев, армян и кыргызов. Одновременно стали выявляться и претензии среднеазиатских мусульман друг к другу по поводу владения землей, водой, положения национальных меньшинств.

Такое положение обусловило возникновение территориальных конфликтов, решение которых за столом переговоров удается далеко не всегда. В частности, это относится к конфликтам в Ошской области Кыргызской Республики между узбеками и кыргызами, на севере Таджикистана - между таджиками и узбеками.

Трагические события 1990-1995гг. в Таджикистане серьезно осложнили ситуацию в Центральной Азии.

В братоубийственном конфликте многие его участники апеллировали к исламу. Духовные лидеры мусульман оказались в противостоящих друг другу политических партиях и объединениях. К тому же каждый духовный руководитель региона начал претендовать на лидерство. Принадлежность воюющих сторон к одной религии - исламу не снизила остроту конфликта в Таджикистане, а наоборот, еще больше ожесточила его. В Таджикистане «ислам по существу превратился в

объект борьбы между различными этническими группами, региональными кланами, политическими партиями»^[6, с.79].

Имели место попытки спровоцировать массовые беспорядки и в самом Узбекистане. Конечной целью организаторов этого конфликта было создание отдельных государств, враждующих между собой. Провокаторы всячески разжигали локальные конфликты в Фергане, Коканде, Узгене, Оше - повсюду в Средней Азии. В 1991 г. в Наманганской области стали формироваться добровольные инициативные группы под названием «Адолат» («Справедливость»). Первоначальной целью «Адолата» была охрана общественного порядка. В его уставе, принятом на общем собрании 28 октября 1991 г., было зафиксировано, что это объединение ставит перед собой цель - вести беспощадную борьбу против негативных явлений в обществе: посягательств на имущество честных тружеников, взяточничества, местничества, наркомании, проституции и т.д. Члены «Адолата» обязывались выявлять факты спекуляции, мошенничества, хулиганства и принимать на основе закона меры против этих явлений. Это объединение, не ставя перед собой политических задач, обязывалось обеспечить мир и спокойствие граждан, а вся его деятельность должна была согласовываться с правоохранительными органами. Действительно, за короткий период были разоблачены преступные группы скотокрадов, рэкетиоров, оказана помощь ОВД в раскрытии ряда тяжких преступлений.

Поддерживало «Адолат» большинство населения, особенно его верующая часть, поскольку она рассматривала его действия как соответствующие законам шариата.

Постепенно «Адолат» превратился в хорошо оснащенную вооруженную организацию - «Ислом лашкарлари» («Воины ислама»). Сформировалась строго военная организация с многочисленными ячейками-группами. Во главе группы, состоящей из 25 - 30 человек, стоял эмир и заместитель эмира. Под предлогом охраны общественного порядка члены групп задерживали, арестовывали, избивали, приговаривали к наказаниям в виде штрафов, принудительных работ в мечетях любых неудобных им людей.

В последующем руководители «Адолата» выразили официальное недоверие органам внутренних дел и пожелали впредь действовать самостоятельно и сообразно с законами шариата. С этого момента началось противостояние светской и религиозной властей в Узбекистане, которые продолжают до настоящего времени и носят уже ожесточенный характер. В частности, выросшего из движения «Адолат» действия Исламского движения Узбекистана (ИДУ), направленные на совершение террористических и экстремистских акций распространяются не только в Узбекистане, но во всех регионах Центральной Азии.

Очевидное превращение современного экстремизма и терроризма в глобальное социально-

политическое явление предопределяет необходимость их теоретического осмысления и разработки практических мер по борьбе с ними. Для лучшего понимания природы экстремизма и международного терроризма важно различать две стороны: политическую и военную. В политическом отношении они используются как инструмент борьбы за мировое господство. Их военное применение направлено на достижение этой цели насильственным путем.

Литература

1. Ерасов Б.С. Теоретическая эволюция А.Абдель-Малека // Народы Азии и Африки. 1990. № 2. с.6.
2. Журнал. Вопросы истории. 1993. № 1. с.37.
3. А.Базаров. Исламский фундаментализм и общественно-политическая стабильность в Узбекистане. Ташкент. 2012. с.6.
4. А.Сухопаров. Средняя Азия: впереди – исламская революция? 1991.с.4.
5. Журнал. Вопросы научного атеизма. № 31. М.: 1983. с.96.
6. А.Малашенко. Конфессия в этнополитических отношениях в СНГ // Постсоветское мусульманское пространство: религия, политика, идеология. М.: 1994. с.79.

Рецензент: д.полит.н., и д.соц.н. Артыкбаев М.Т.